

Р.Р. Гусаева, аспирант отдела лексикологии и лексикографии
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала (Россия)

Ключевые слова: гуладтынский говор; фонетические диалектизмы; сирхинский диалект; семантика; дагестанские языки; вокализм и консонантизм; кавказское языкознание; даргинский язык.

Аннотация: В данной статье на большом фактическом материале впервые рассматриваются лексические особенности гуладтынского говора сирхинского диалекта даргинского языка, входящего в подгруппу нахско-дагестанских языков индоевропейской ветви. Автором осуществлена сравнительная характеристика лексики литературного языка и основных групп диалектизмов изучаемого говора. Определены фонетические и морфологические принципы формирования диалектной гуладтынской лексики, ее отличие от общедаргинских слов закономерными звуковыми соответствиями и процессами в системе вокализма и консонантизма. Выделена группа лексических и семантических диалектизмов, являющихся неотъемлемой частью говора. Автором подчеркнуто, что в словарном фонде гуладтынского говора также встречаются заимствования из арабского, русского, иранских, тюркских и других языков. В ходе исследования выявлены характерные особенности формирования некоторых групп диалектизмов, например наличие долгих гласных, что исследователями прежних лет считалось не соответствующим даргинскому языку, его диалектам и говорам. В результате можно сказать о том, что собственно гуладтынская лексика возникла в период обособленного существования говора. Важную роль в ее формировании сыграли лексические новообразования, возникшие на базе исконного и заимствованного словаря посредством аффиксации, распада значения слов. В целом в статье дана краткая характеристика лексических особенностей гуладтынского говора, изучение которого на сегодня актуально не только потому, что это способствует накоплению богатого фактического материала для сравнительной фонетики и морфологии даргинского языка, помогает выявить ряд факторов его исторического развития, но и значительно обогащает словарный состав даргинского литературного языка.

Как известно, лексика – важнейшая часть структуры языка, которая непосредственно связана с жизнью народа, и поэтому в ней находят отражение исторические, социально-классовые, профессиональные, возрастные различия внутриязыкового коллектива. Основной единицей лексической системы языка является слово. Значение слова – это явление историческое: оно не является раз и навсегда данным, а может изменяться в процессе функционирования слова в речи; некоторые слова постепенно приобретают новое значение, при этом происходит расширение значения слова; некоторые из значений слова могут исчезать, забываться – происходит сужение значения слова.

По структуре слово может быть непроизводным (состоящим только из корня или из корня и флексии), производным (помимо корня имеются другие морфемы) и сложным (состоящим из двух или трех корней). Значение непроизводного слова является условным, немотивированным, значение непроизводного слова мотивировано. Некоторые слова, кроме основного значения, имеют и переносное, поэтому название одного предмета используют для наименования другого предмета. В этом плане весьма важно и актуально исследование лексики говора или диалекта, где она также подвергнута серьезным изменениям, происходящим в современном мире.

Небольшая часть лексического материала по дагестанским, в частности даргинскому, языкам и ряд грамматических комментариев к нему приводилась ранее в работах И.А. Гюльденштедта, П.С. Далласа, Ю. Клапрота, а также целого ряда зарубежных лингвистов: Ф. Мюллера, Р. Эркерт, Г. Шухардта, Ф. Борка, А. Дирра, Н. Трубецкого, Ж. Дюмезиля, Л. Ельмслева, К. Боуда [1]. В XX веке изучение даргинского языка было продолжено С.Н. Абдуллаевым [2; 3], Е.А. Бокаревым [4], С.Л. Быховской [5]. Однако из-за отсутствия

системно описанных работ по лексике диалектов и говоров дагестанских языков их богатейшая диалектная лексика и сегодня остается не вовлеченной в научный оборот. Так, к началу XXI века в число трудов, освещающих эту проблематику, можно отнести только работы С.М. Гасанова [6], А.Г. Климова [7] и М.Ш. Халилова [8; 9], в которых представлены далеко не все говоры и диалекты Дагестана. В числе так и не попавших в поле зрения этих ученых, к сожалению, оказался и гуладтынский говор сирхинского диалекта даргинского языка, по сути, став «белым пятном» в современной лексикографии и лексикологии. Учитывая тот факт, что в лексике диалектов и говоров содержатся огромные фактические данные, только последовательное изучение каждого из них, в том числе и гуладтынского говора, позволит углубить историко-этимологические исследования по дагестанским языкам. В связи с чем подобный анализ лексики гуладтынского говора стал основной целью данного исследования.

Отметим, что основной фонд лексики гуладтынского говора составляют слова общедаргинского происхождения. Помимо этого, в нем также представлены слова, восходящие к общедагестанскому и общекавказскому хронологическим уровням. Вместе с тем в говоре наличествует специфичная диалектная лексика, несвойственная даргинскому литературному языку. Безусловно, ее значительно меньше по сравнению с общедаргинской лексикой, но в то же время этот пласт менее всего подвергся изменениям. Уточним, что кроме исконной лексики в словарном фонде гуладтынского говора также встречаются заимствования из арабского, русского, иранских, тюркских и других языков [10, с. 187].

По своему характеру лексику гуладтынского говора можно разделить на: лексические единицы, совпадающие со словами литературного языка и других диалектов;

фонетические, морфологические, лексические, семантические диалектизмы и заимствованные слова. Далее в статье кратко охарактеризовав общую для всех диалектов и говоров лексику, проведем анализ тех пластов, в которых в наибольшей степени проявляется диалектность.

Лексические единицы гуладтынского говора, совпадающие со словами литературного языка, – это большой пласт, отражающий самые разнообразные сферы человеческой деятельности, в частности: а) термины родства и свойства: аба (неш) – «мать», узи – «брат», гуяв – «зять» и т. д.; б) названия животных: унц – «бык», чАака – «орел», лагъа – «голубь» и т. д.; в) названия растений: мухъи – «ячмень», къар – «трава», хъяри – «груша» и т. д.; г) соматические термины: мухІли – «рот», лезми – «язык» и т. д.; д) названия домашней утвари: улкъай – «окно», унза – «дверь», къацІ – «хлеб» и т. д.; е) название явлений природы: зак – «небо», хІеркІ – «река», зак – «луна»; ё) имена прилагательные: жагаси – «красивый», аваданси – «просторный», мешуци – «похожий», вайси – «плохой», ГІяхІси – «хороший» и т. д.; ж) числительные: ца – «один», даршал – «сто», азир – «тысяча» и т. д.; з) наречия: бухІнаб – «внутри», мурт – «когда», гъарахъли – «далеко» и т. д.; и) обозначения абстрактных и отвлеченных понятий: аргъ – «погода, климат», гъава – «воздух» и т. д.

Однако в этой группе есть ряд отличий от литературного языка, характерных для лексики гуладтынского говора, указывающих на ее большую историческую сохранность, а также переосмысление значений некоторых форм, одинаково произносимых в обоих случаях. Например: **даыгІ** в гуладтыском означает «холод», а в литературном – «ветер»; **хъи** – «рога животного и стебель» соответственно. Об исторической сохранности говорит, к примеру, слово **муръа**, обозначающее в гуладтыском говоре «угол комнаты», а в литературном – «группу женщин-плакальщиц». Связь видится в том, что в далеком прошлом для оплакивания умершего небольшое число женщин собирались в углу комнаты, дабы не помешать мужчинам. В более поздний период женщины стали заполнять все внутреннее пространство дома, кроме верхней крыши и двора, где собирались мужчины. От названия угла комнаты, сохранившегося в своем первоначальном значении в гуладтыском говоре, и возникло в литературной речи слово **муръа** в значении «большое число женщин, собравшихся для оплакивания». В связи с тем что слово **муръа** стало употребляться для обозначения другого понятия, в литературном языке возникла необходимость дать для обозначения **угла** комнаты другое название, чем и объясняется применение слова **къамдза**.

Говоря о фонетических диалектизмах, подчеркнем, что при описании лексики какого-либо диалекта или говора исследователи, как правило, отмечают, что наиболее многочисленную группу в ней составляют слова, имеющие одинаковое значение, но различающиеся по звуковому составу [11–14]. Подобная дифференциация в большинстве своем сводится к фонетическим различиям, возникшим в результате фонетических процессов, имевших место в разные исторические периоды развития языковой единицы.

Большое место в гуладтыском говоре занимают слова, в исходной форме отличающиеся от общедаргинской лексики закономерными звуковыми соответ-

ствиями и процессами в системе вокализма и консонантизма. Однако присутствуют и непосредственно фонетические диалектизмы.

Например, в некоторых диалектах даргинского языка имеются долгие гласные. В частности, это было подмечено еще П.К. Усларом, который писал: «...и, встречаясь с а, сливается с ним в е долгое, если за тем следует одна лишь согласная, и в е краткое, если следует две» [15, с. 15]. Наличие долгих гласных в различных диалектах даргинского языка отмечается и другими исследователями: С.Н. Абдуллаевым [16, с. 30], Ш.Г. Гаприндашвили [11, с. 184], А. Магомедовым [12, с. 37]. Л. Жирков также отмечает, что в «области гласных мы находим в даргинском языке различие по долготе и краткости гласного, чего нет в аварском языке» [13, с. 7]. Например: в сирхинском диалекте долгими могут быть следующие гласные: **а, е (э), и, у**: **ā**: *бāкку* – «нет», *āвал* – «четыре», *āбдал* – «глупый»; **ē (э)**: *бикъē* – «дайте», *эбиччи* – «не люблю», *эже* – «на тебе»; **ī**: *икъййда* – «так», *īрзес* – «решать», *īсес* – «покупать»; **ū**: *мūли* – «клюв», *ūнтай* – «поцелуй».

Причем более распространено долготы проявляется в гласных **а, е(э), и**, слова с долгим гласным у встречаются более редко. Кроме того, и некоторые фарингальные гласные тоже могут быть долгими – **я**: *гъячи* – «работа», *мягІна* – «результат»; **й**: *тйу* – «нога», *мұхІли* – «рот», *бұрт* – «сметана».

В то же время долготы гласных некоторыми исследователями признавалась не исконной чертой даргинского языка и его диалектов [17, с. 112]. Считается, что долгие гласные появились в результате определенных фонетических процессов. Так, они отмечают: «Почти все гласные в урахинском диалекте встречаются лишь на стыке слов и частей слов. Это объясняется тем, что долготы гласного в этом диалекте является результатом слияния двух гласных» [2, с. 32; 11, с. 184].

Однако при изучении собственно сирхинского диалекта даргинского языка указывалось, что в нем возможны два способа появления долгих гласных: в результате стечения и слияния двух гласных и возмездительного удлинения, вызванного выпадением согласного [14, с. 14]. В гуладтыском говоре этого диалекта, так же как и в других говорах (например, кишинском говоре муиринского диалекта, в говорах цудахарского и урахинского диалектов), в отличие от литературного языка, имеются долгие гласные. Долгие гласные в этом говоре появляются обычно в окончаниях родительного падежа имен существительных ед., мн. чисел и имеют фонематическое значение. Так, например, слово **ши** с долгим **и** переводится как «водой», а без долготы – «селение». Долгими также являются: гласный заднего ряда **а**: *хъал* – *хъали* – «дом»; гласный переднего ряда **е**: *байрамтела* – «праздников»; гласный переднего ряда **и**: *шин* – «водой» [6, с. 252]. В целом, в процессе словоизменения или словообразования на стыке морфем возможны следующие пары стечшихся гласных: **аа, ай, ау, ае; иа, ии, ну, не; уа, уи, уу, уе; еа, еи, еу, ее**.

Все их можно сгруппировать по двум основным принципам: стечение одинаковых гласных и стечение неодинаковых гласных. Слияние сходящихся вместе гласных и долготы, обуславливаемая в результате такого слияния, часто наблюдается и в собственно сирхинском диалекте. Здесь также встречаются оба случая.

В то же время стечение одинаковых гласных (*aa, uu, ee, yy*) в один долгий звук в нем встречается реже, чем в гуладтынском говоре.

Слияние каждой из этих пар имеет свою характерную сферу распространения. Так, *aa* главным образом встречается на стыке приставки и корня, а также между корнями; случаи слияния *ee* – только лишь на меже приставки и корня; *yy*. Это наглядно видно на примерах. *Aa –a: салаагур – салагур – «вышел вперед», чиваагур – чевагур – «поднялся», турраагур – ттурагур – «вышел»* и др.

Рассмотрев некоторые примеры на долгий *e*: *чевигулди – «видишь?», чегьягья – «закрой», чергьяди – «достану»,* мы видим, что здесь местом слияния становится приставка: *чедиб – «наверху», чебла – «долг»*. Стечение *ee* часто наблюдается после выпадения какого-нибудь согласного. Кроме того, в заставительных формах глагола выпадает *xI*, и рядом оказываются два одинаковых гласных, из которых развивается один долгий:

лит. яз.	гулад. гов.	
бирахъехIe	биркьегъê	«заставим сделать»
иргъахъехIe	иргъегъê	«заставим понять»

Данные гласные наблюдаются в окончаниях глаголов второго лица множественного числа будущего времени. Здесь также налицо слияние двух одинаковых гласных после выпадения *xI*:

лит. яз.	гулад. гов.	
исехIe	иссê	«купим»
иршехIe	иршê	«будем жать»

В отличие от гуладтынского говора, в самом сирхинском диалекте этот процесс еще полностью не завершен. В частности, обе эти формы (и полная, и краткая) параллельно употребляются в одном и том же значении: *ии – и:* виихуб – вѣхуб – «смог», бурссиихуб – бурссѣхуб – «научился»; *yy – ŷ:* гуукьвен – гукьвен – «выходи на замену», журнал – жѣрнал – «журнал».

Значительны отличия гуладтынского говора сирхинского диалекта от литературного даргинского языка в области морфологии, в особенности в образовании разных грамматических форм и категорий знаменательных частей речи: в говоре представлены присущие только ему или другим говорам сирхинского диалекта словообразовательные и формообразовательные аффиксы имен существительных, прилагательных, местоимений и глаголов.

В литературном языке, как правило, в глаголах с приставками и в сложных глаголах отсутствует показатель мужского класса *-в* (ед. ч.), а в говоре этот показатель имеется не только в них, но и в некоторых других частях речи:

лит. яз.	гулад. гов.	
xIериули	эрвиркьули	«воспитывал»
шакикиб	шаквичиб	«догадался»

В связи с тем, что даргинской литературной же речи он не употребляется. Раньше исследователями высказывалась мысль о том, что это обстоятельство является «специфической особенностью акушинского диалекта», а «факультативное» (и частью обязательное) сохранение в акушинском диалекте классного показателя *-в* перед глаголами с приставками и сложными глаголами... ни в одном другом диалекте даргинского языка не сохраняется [2, с. 19]. В то время как исследования последних лет говорят о том, что наличие классного пока-

зателя *-в* в том же положении, как и в изучаемом говоре, можно наблюдать не только в акушинском диалекте, который, в принципе, лег в основу литературного даргинского языка, но и в дейбукском говоре [18, с. 35].

В гуладтынском говоре, в отличие от литературного языка, также имеется и классный показатель *-д*. Он употребляется для множественного числа названий животных:

лит. яз.	гулад. гов.	
тер	тед	«там есть» (животное)
сари	сади	«есть» (животное)
итар	гъайгуд	«там» (животное)

Кроме того, он выступает и в связке переходного глагола, когда объект выражен неодушевленным существительным:

лит. яз.	гулад. гов.	
ардухили сари (стаканте)	ардукьибли сади	«унесли (стакана)»

А также в именах существительных, которые отличаются от лексики литературного языка гласным компонентом *-е* аффиксов *-те, -бе, -не, -ле* и др.:

лит. яз.	гулад. гов.	
чакурти	чакурте	«сахар»
хъярби	хъурбе	«груши»
чудни	чутне	«пирог»
муйли	мургле	«мужчины»

Кроме того, в гуладтынском говоре имена существительные во мн. числе, относящиеся к 1-му типу склонения, во всех своих падежных аффиксах отличаются от соответствующих аффиксов литературного языка согласными компонентами. Так, в именительном падеже говора имеется аффикс *-не* вместо *-ни* литературного языка: бурутне – бардни – «топоры»; в совместном падеже говора имеется *-чуле* вместо *-чил* литературного языка: буруднечуле – барданачил – «топорам». Помимо этого, в отличие от литературного языка, где все падежи образуются от эргатива, в данном типе склонения гуладтынского говора родительный и дательный падежи образуются не от эргатива, а от именительного падежа. Для наглядности приведем пример образования падежей:

лит. яз.	гулад. гов.	
(эрг.) адамти	адимте (и. п.)	«люди»
(род. п.) адамтала	адимтела (род. п.)	«людей»
(дат. п.) адамтас	адимтес (дат. п.)	«людям»

Во 2, 3 и 4-м типах склонения при сравнении падежных аффиксов гуладтынского говора и литературного языка выяснилось, что у им. суц. в родительном падеже факультативно появляются аффиксы *-йа* (2-е скл.), *-лла* (3-е скл.), *-а* или *-на* (4-е скл.), которых нет в литературном языке: 2-е скл. адимийла//адимила – «человека» (в говоре), адамла (в литературном языке); 3-е скл.: гIумрулла – «жизненный» – гIямрула; 4-е скл.: хъал – «комната» – хъа [19, с. 141].

Только в гуладтынском говоре порядковые числительные образуются прибавлением аффикса *-ибил* к форме количественного числительного, отличаясь от тех же форм литературного языка (в них аффикс *-ибил* прибавляется непосредственно к корню). Например:

лит. яз.	гулад. гов.	
кIи-ибил	кIвел-ибил	«второй»
шу-ибил	хъу-ибил	«пятый»

Также, в отличие от литературного языка, среди личных местоимений в гуладтынском говоре есть суп-

плетивные формы в совместном, направительном и исходном падеже (от местоимения 1-го лица **ну** в литературном языке, в говоре -**ду**):

лит. яз.	гулад. гов.	
им. п. ну	ду	«я»
совм. п. набчил.	дамцилла	«со мной»
напр. п. набзи	дамци	«мне»
исходн. п. набзирад	дамцирад	«от меня»

Переходя к анализу лексических диалектизмов, сразу отметим, что в гуладтынском говоре диалекта выделяется целая группа слов, которым в литературном даргинском языке соответствуют другие лексемы. В то же время данный пласт гуладтынской лексики обнаруживает генетические параллели в других диалектах и говорах даргинского языка и даже в других родственных дагестанских языках [20, с. 322]. Собственно гуладтынский лексический фонд сложился, видимо, в период обособленного существования говора. Важную роль в его формировании сыграли лексические новообразования, возникшие на базе исконного и заимствованного словаря посредством аффиксации, распада значения слов. Отметим, что подавляющее большинство этих слов относится к разряду тех, которые имеют один и тот же корень с литературным языком, но с более или менее значительными отклонениями в звуковом составе слова:

лит. яз.	гулад. гов.	
гІяш	духъмуг	«курдюк»
хІяб-хІябал	гІяб-гІяб	«по три»
гъалабла	салабла	«прежний»
акІес	гъачИ	«рождаться»
даг	сса	«вчера»

В некоторых случаях какое-либо понятие или название какого-либо предмета литературного языка в гуладтынском говоре передается описательно, чаще всего двумя словами, ср.: вакІибхІели (литер.) – вачІиб замана (говор) – «когда пришел». Вместе с тем иногда наблюдается и обратный процесс.

Свойственны для гуладтынского говора и семантические диалектизмы – лексемы, имеющие одинаковые корни в говоре литературном языке, но обозначающие совершенно разные понятия: гъалмагъ (лит.) – «друг, товарищ» – гъялмагъ (гов.) – «любовник»; хъунул – «супруга» – хъхъунул – «женщина» соответственно. Встречаются в говоре и фонетические диалектизмы, имеющие семантические отличия: сужение или расширение значения, семантический сдвиг, которые тоже можно рассматривать как семантические диалектизмы: дяxI (лит.) – «тряпка» – дя (гов.) – «лицо».

В итоге отметим, что проанализированный материал не только в полной мере освещает лексические особенности гуладтынского говора сирхинского диалекта даргинского языка, но и позволил нам выделить целый ряд лексем, свойственных исключительно ему, что еще раз подчеркивает самобытность изучаемого говора, сложившегося в период обособленного существования его носителей. В то же время пласт гуладтынских лексических диалектизмов обнаруживает генетические параллели в диалектах и говорах родственных дагестанских языков. Отмечено, что важную роль в формировании говора сыграли лексические новообразования, аффиксации, распада значения.

В целом, в статье дана краткая характеристика лексических особенностей гуладтынского говора, изучение которого не только дает ценный материал для сравнительной фонетики и морфологии даргинского языка, выяснения ряда факторов его исторического развития, но и во многом способствует обогащению словаря литературного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык // Языки народов СССР. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 508–523.
2. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка. Махачкала: ИИЯЛ АН СССР, 1954. 137 с.
3. Абдуллаев С.Н. Даргинско-русский словарь. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1950. 210 с.
4. Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М.: Наука, 1981. 140 с.
5. Быховская С.Л. Пережитки инклюзива и эксклюзива в даргинских диалектах // Язык и мышление. Т. 9. М.: АН СССР, 1940. С. 34–45.
6. Гасанова С.М. Краткие сведения о дейбукском и харбукском говорах даргинского языка // Ученые записки ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Т. 2. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. С. 251–260.
7. Климов А.Г. Кавказские языки. М.: Наука, 1965. 340 с.
8. Халилов М.Ш., Комри Б. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа: сопоставление основной лексики. Лейпциг: Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, 2010. 935 с.
9. Халилов М.Ш. Цезско-русский словарь. Махачкала: Типография ДНЦ, 1999. 450 с.
10. Халилов М.Ш. Фонетическая адаптация заимствований в бежтинском языке // Фонетическая система дагестанских языков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1981. С. 184–190.
11. Гаприндашвили Ш.Г. Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка // Труды Цхинвальского пединститута. Т. III. Тбилиси, 1956. С. 162–190.
12. Магомедов А.А. Система послеложных падежей и превербов в даргинском языке (по диалектным данным) // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск: АГИ, 1983. С. 35–41.
13. Жирков Л.И. Грамматика даргинского языка. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1926. 103 с.
14. Кадибагамаев А.А. Сирхинский диалект даргинского языка (Фонетическая система). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1998. 123 с.
15. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. 497 с.
16. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. Т. I. Фонетика. М.: Наука, 1993. 154 с.
17. Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета, 1977. 165 с.
18. Гаджиев К.Г. Морфологические категории и словообразование имени прилагательного в даргинском языке (по материалам акушинского, урахинского и мекегинского диалектов): дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1981. 142 с.

19. Гасанова С.М. Особенности падежной системы чирагского диалекта даргинского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. С. 133–147.
20. Гасанова С.М. Место ураринского говора в системе говоров даргинского языка // Ученые записки Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Т. X. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. С. 310–325.
- REFERENCES**
1. Abdullaev Z.G. The Darginian language. *Yazyki narodov SSSR*. Moscow, Nauka publ., 1967, vol. 4, pp. 508–523.
  2. Abdullaev S.N. *Grammatika darginskogo yazika* [Grammar of the Darginian language]. Mahachkala, IYaL AN SSSR publ., 1954, 137 p.
  3. Abdullaev S.N. *Darginsko-russkiy slovar'* [Darginian-Russian dictionary]. Mahachkala, Dagknigoizdat publ., 1950, 210 p.
  4. Bokarev E.A. *Sravnitelno-istoricheskaya fonetika vostochnokavkazskikh yazikov* [Comparative-historical phonetics of East Caucasian languages]. Moscow, Nauka publ., 1981, 140 p.
  5. Byhovskaya S.L. Vestiges of inclusive and exclusive in Darginian dialects. *Yazik i myshlenie*. Moscow, AN SSSR publ., 1940, vol. 9, pp. 34–45.
  6. Gasanova S.M. Brief information about Deybuk and Kharbuk subdialects of the Darginian language. *Uchenie zapiski IYaL Dag. fil. AN SSSR*. Mahachkala, Dagknigoizdat publ., 1957, vol. 2, pp. 251–260.
  7. Klimov A.G. *Kavkazskie yaziki* [The Caucasian languages]. Moscow, Nauka publ., 1965, 340 p.
  8. Khalilov M.Sh., Komri B. *Slovar' yazikov i dialektov narodov Severnogo Kavkaza: sopostavlenie osnovnoy leksiki* [Dictionary of languages and dialects of the peoples of the Northern Caucasus: Comparison of the basic lexicon]. Leyptsig, Institut evolyutsionnoy antropologii im. Maksa Planka, 2010, 935 p.
  9. Khalilov M.Sh. *Tsezsko-russkiy slovar'* [Tsez-Russian dictionary]. Mahachkala, Tipografiya DNTs publ., 1999, 450 p.
  10. Khalilov M.Sh. Phonetic adaptation of loanwords in the Bezhta language. *Foneticheskaya sistema dagestanskih yazikov*. Mahachkala, Dagknigoizdat publ., 1981, pp. 184–190.
  11. Gaprindashvili Sh.G. Formation and functions of the main cases in the dialects of the Darginian language. *Trudy Tshinval'skogo pedinstituta*. Tbilisi, 1956, vol. III, pp. 162–190.
  12. Magometov A.A. System of postpositions and preverbs in the Dargin language (based on the dialect data). *Sistema preverbov i poselelo v iberiysko-kavkazskikh yazikah*. Cherkessk, AGI publ., 1983, pp. 35–41.
  13. Zhirkov L.I. *Grammatika darginskogo yazika* [Grammar of the Dargin language]. Moscow, Tsentralnoe izdatelstvo narodov SSSR publ., 1926, 103 p.
  14. Kadibagamaev A.A. *Sirhinskiy dialect darginskogo yazika (foneticheskaya sistema)* [The Sirkhin dialect of the Dargin language (Phonetic system)]. Mahachkala, Dagknigoizdat publ., 1998, 123 p.
  15. Uslar P.K. *Etnografiya Kavkaza. Yazikoznanie. V. Khyurkilinskiy yazik* [Ethnography the Caucasus. Linguistics. V. The Khiurkilin language]. Tiflis, 1892, 497 p.
  16. Abdullaev Z.G. *Darginskiy yazik* [The Dargin language. V. I. Phonetics]. Moscow, Nauka publ., 1993, 154 p.
  17. Gigineyshvili B.K. *Sravnitel'naya fonetika dagestanskih yazikov* [Comparative Phonetics of the Dagestan languages]. Tbilisi, Tbilisskiy gos. universitet publ., 1977, 165 p.
  18. Gadzhiev K.G. *Morfologicheskie kategorii i slovoobrazovaniye imeni prilagatel'nogo v darginskom yazike (po materialam akushinskogo, urakhinskogo i mekeginskogo dialektov)*. Diss. kand. filol. nauk [Morphological categories and word formation of adjectives in the Dargin language (based on the materials of Akushin, Urakhin and Mekegin dialects)]. Mahachkala, IYaL DagFAN SSSR publ., 1981, 142 p.
  19. Gasanova S.M. The peculiarities of the case system of the Chirag dialect of the Dargin language. *Imennoe sklonenie v dagestanskih yazikah*. Mahachkala, Dagknigoizdat publ., 1979, pp. 133–147.
  20. Gasanova S.M. The place of the Urarin subdialect in the subdialect system of the Dargin. *Uchenie zapiski Instituta IYaL Dagestanskogo filiala AN SSSR*. Mahachkala, Dagknigoizdat publ., 1962, vol. X, pp. 310–325.

THE LEXICAL PECULIARITIES OF THE GULATDYNKY SUBDIALECT

© 2015

R.R. Gusaeva, post-graduate student of the Department of Lexicology and Lexicography
The Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasy
of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala (Russia)

Keywords: the Guladtynsky subdialect; phonetic dialectisms; the Sirkhin dialect; semantics; the Daghestanian languages; vocalism and consonantism; Caucasian linguistics; the Darginian language.

Annotation: This article examines lexical peculiarities of the Guladtynsky subdialect of the Sirkhin dialect of the Darginian language, which belongs to the Nakhsk- Daghestanian subgroup of languages of the Indo-European branch, based on large quantities of factual material. The author has carried out a comparative characteristics of the literary language lexis and the major groups of dialectisms of the subdialect under study. Phonetic and morphological principles of the dialectal Guladtynsky lexis formation, its difference from common Darginian words in regular sound correspondences and processes in the system of vocalism and consonantism have been defined. A group of lexical and semantic dialectisms that are an integral part of the subdialect has been singled out. The author emphasizes that there are also loanwords from the Arabic, Russian, Iranian, Turkic, and other languages in the vocabulary of the Guladtynsky subdialect. Characteristic features of the formation of some groups of dialectisms have been revealed during the research, for instance, the presence of long vowels that the researchers used to consider not corresponding to the Darginian language, its dialects, and subdialects. As a result, it can be stated that actually Guladtynsky lexis appeared in the period of isolated existence of the subdialect. Lexical neologisms played an important role in its formation. They appeared on the basis of the primordial and borrowed vocabulary by means of affixation, disintegration of the words meaning. The author gives a brief characteristic of lexical peculiarities of the Guladtynsky subdialect, the study of which is nowadays relevant not only because it contributes to the accumulation of rich factual materials for comparative phonetics and morphology of the Darginian language and helps to clarify some facts of its historic development, but it also considerably enriches lexis of the Darginian literary language.